

Роман Фрейд

Астероид Б-612

Оригинальная идея принадлежит
Павлу Шату, за что ему низкий
поклон.

В темноте зрители слышат звуки сопровождающие посадку пассажиров в самолёт. Объявления стюардессы, инструкции на случай аварии, закрывающиеся багажные полки, негромкие голоса пассажиров. Затем слышен звук запускаемых турбин и наконец слышен звук моторов взлетающего лайнера. Некоторое время самолёт набирает высоту, затем шум моторов несколько стихает но в последствии он продолжается на всём протяжении пьесы. Раздаётся громкий звук пердежа. Загорается приглушенный ночной свет, какой бывает в самолётах летящих ночью. На сцене самолётное кресло. В нём спящий в неудобной позе пассажир. Это – Доминик. Он весьма не молод, грузен и явно не следит за своим здоровьем и гигиеной. Его жидкие волосы давно не мыты. В его храпе заметен хрип и свист в лёгких. Из его рта течёт слюна. Раздаётся ещё один громкий пук. Это пукает Доминик. Он просыпается от этого звука и стесняясь своей текущей слюны быстрыми движениями стирает слюну с подбородка и колен. Доминик осматривается вокруг. Ему явно тошно просыпаться. Он бормочет что-то невразумительное.

|

Доминик

Сука. Теперь не засну до конца. Сука. Я проснулся среди ночи, мокрый от пота и от нехватки кислорода. Так со мной бывает. Проснулся с решением. Точнее с намерением. Намерение видимо пришло во сне. Сна не помню а намерение осталось. Намерение послать этого редактора. Да, он – имя. (откашливается) Да, он в меня поверил. Да, он во многом меня сделал тем, кем я являюсь. Да... Да пошел он. Тоже мне – король. Король без подданных. Хватит меня за подданного держать. Старый маразматик. Жизнь не стоит на месте. Я не подданный и не мальчишка, чтобы давать тебе потрошить мои тексты.. Это МОЯ история и мне плевать что продаётся, а что нет. Аванс? Он потребует вернуть аванс. Надо адвокату позвонить. Мне нечего возвращать. Аванс уже прожит. Ничего я ему не должен. (рычит, прочищая горло) Я работал. Это плата за мою работу. Наедет? В суд подаст? Я ему колеса у его новой тачки прокалю. Я знаю где он живет. Кто меня поймает? Полиции дела больше нет, как меня ловить? И ещё прокалю. После пары раз он поймет что ему ссора со мной дорого обойдется. И клиентов его обзвоню и в соцсетях...

(тяжело переводит дыхание)

Ох... И пальцы опухли от духоты. И кому я нагажу этим скандалом? Редактор старый. Даже если он уйдет с рынка, что ему? А мне со

скандалом жить. Со мной работать бояться будут. Блин. Дыши. Это просто духота. И гамбургер в аэропорту. С двойным Гленфиддичем. Идиотская привычка – гамбургер с виски в аэропорту. Это меня моя четвертая жена научила. С картошкой, с беконом, с сыром. И ведь гамбургеры в аэропортах стали полное говно. Это просто привычка. И жены нет и здоровья на такую жратву. И жратва – говно. Зачем это я? А теперь вот проснулся в аду. (кашляет) До места назначения 4 часа 27 минут без сна. Без сна. Без сна...

Первый раз я проснулся таким вот образом в автобусе. Таким образом – это значит – с решением. Я был студентом окончившим первый курс литературного факультета. Я ездил летом на море повидать свою девушку. (Переводит дыхание шамкая губами) Она тоже училась в университете, но на прикладной математике и одна грудь у неё была ниже другой. Она отдыхала на побережье и я приехал провести с ней пару дней. Между сексом, во время прогулок она уговаривала меня бросить литературу. Мол, собачья жизнь, безденежье, никакой стабильности. Я послушал её но ничего не сказал. А ночью по дороге обратно, в автобусе, проснулся мокрый, в испарине, задохнувшийся и с решением. С решением бросить к черту литературу, и потеряв год поступить на какой-нибудь технический факультет. (откашливается) У меня хватило ума донести это "решение" до родителей. Мама которая никогда меня не принимала всерьёз, подняла меня на смех а отец сказал что будучи инженером, он всю жизнь мечтал делать что-то творческое и жить в свободном графике и что он завидует моей будущей жизни писателя. Да к этому времени моё "решение" и само как-то расплзлось. Вот и сейчас как-то...

Иногда самолёты не могут во время оторваться от земли, при этом скорость очень высока и деваться им некуда. Прилетают прямо в какой-нибудь дом.

||

Снимает туфель с правой ноги и начинает судорожно чесать между пальцами. Говорит не переставая чесать ногу.

Если лечь на пляже на живот, ногами к морю и если пляж достаточно широкий и ты лежишь закопав подбородок в песок то

может показаться что ты в пустыне. А если вокруг никого нет и тихо и ты слегка перегрелся на солнце, то ощущение пустыни становится вполне реальным...

Перестаёт чесать ногу и ковыряет пальцем той же руки в зубах

Аванс. Всю жизнь пытаюсь экономить. И всегда живу впритык. Среди моих друзей есть вполне обеспеченные люди. Я могу их назвать деловыми людьми. Они могут себе позволить хорошую квартиру в городе, домик в горах или на море, прекрасные заграничные поездки несколько раз в году. Видимо деньги нужно любить. По-настоящему любить. И уважать и относиться к ним серьезно. Тогда они отвечают тебе взаимностью.

Успешно достаёт что-то из зубов, рассматривает находку, затем кладёт обратно в рот и съедает.

Я всегда мечтал не думать о деньгах и всегда слишком много о них думал. Среди моих зажиточных друзей есть вполне достойные ребята – умные, образованные, не жлобы. Их жизнь построена крепко. Спроси их: "как дела?". Всегда один ответ "да вроде всё хорошо". И ведь правда у них всё хорошо. Всегда. Одинаково хорошо. И у них есть ответы на любой неудобный или неожиданный вопрос. Они даже раздумывают серьезно над твоим "как дела?". Они даже как бы удивлены что у них всё хорошо. И всегда хорошо. И деньги есть. И друзья они отличные – надежные, на много лет, навсегда... И я им нужен для порядка. Хорошо иметь в друзьях богему. Это тоже у них чтоб было всё хорошо. А без меня будет не "всё хорошо". И зачем они нужны?... Не зачем они МНЕ нужны, а вообще? Мирозданию? А я – зачем Я нужен? Кто будет читать мои писюльки через пятьдесят лет? А через двадцать? И я, и они, мы все – незачем. Только я незачем от аванса до гонорара, а они – комфортно от отпуска до отпуска. Но деньги я любить не умею. Я их хочу любить... (отрыжка) но не люблю... Да и хуй с ними.

А большие птицы, попавшие в турбину могут ведь устроить авиакатастрофу.

III

Интересно, песок на пляже такой же как и в пустыне? По идее – да. Ведь пустыня когда-то была дном океана. Ни одной оригинальной мысли, даже ни одной оригинальной фразы. Какие

дебилы меня читают? Писателям надо запретить читать. Мы воруют друг у друга безбожно. Комбинируем Анну Каренину с Питером Пенном. Или это только я?

Девушка у моря с разными грудями. Жесткие как проволока волосы в две косы, смуглая кожа, слегка сутулая. Нет, не сутулая. Просто не очень длинная шея. Зрачки её светло-серых глаз превращались в крохотную точку когда она смотрела на свет и глаза становились змеиными. Первый в моей жизни миньет. (ковыряет в носу) Становлюсь всё более и более сексуально откровенен в своих рассказах. Чем хуже встаёт, тем больше об этом пишешь. Приятные порнографические мемуары. Набоков написал Лолиту в 56. Память о моей жизни расположена на линейке, где женщины с которыми я был – это деления. Помню кто, когда, сколько длилось, как началось и как закончилось. В таких точных деталях что кажется ничего интереснее со мной никогда не происходило... Какая мерзкая изжога. Сода. Обычная питьевая сода. Ложку соды запить стаканом воды. И ждать немного. Если есть отрыжка, значит всё в порядке – вся гадость абсорбирована. А если нет – паршиво. Чем сильнее отрыжка, тем лучше и тем легче после. Блядский гамбургер.

Интересно, когда летишь ночью над облаками и видны только звёзды, неизвестно летишь ли ты над землёй или уже где-то в далёком космосе и возможно приземлишься на неизвестной планете. (саркастически) Да, глубокая мысль...

Кстати, девушка с разными грудями таки стала ученым и кажется хорошим ученым. Пишет научные труды. Что-то о нано-технологиях. (кашляет, переводит дыхание) Факт того что я из семьи инженеров видимо оставил определенную систему координат в моем сознании. Когда я думаю об ученых и вообще людях технических профессий, я невольно чувствую уважение. Вот, занимаются люди делом. Знают что и зачем. Не то что мои писули. Копание в геморрое собственных утренних страхов. Большинство моих друзей начинавших путь в академии сейчас работают в финансовых компаниях. Зарабатывают до фига. Никакой научной фантастики. Один из них – недавно купил отличную спортивную машину – когда-то рассказывал что он доказал математическое правило, которое все знают как аксиому и весь мир физиков пользуется им последние сорок лет. Но никто, (втягивает носом соплю) никто никогда не пробовал доказать это правило как теореме. То есть никто не пытался понять почему это так работает. А он взялся за это. Понять, объяснить и

доказать. Конечно я спросил – а на хрена? Ведь и так работает. А он: "так мысль развивается. Моё доказательство может стать базой для нового взгляда или нового направления самого этого правила." Он тогда ходил в рубашках наполовину заправленных, а наполовину на выпуск. Теперь этот бывший поэт успешно клепает финансовые модели и одевается дорого, очень дорого. Но это не моего свиного ума дело. (опять сопит) Пиши свою дребедень и не суди.

Мне кажется или вот та заклёпка в крыле болтается. Точно, может оторваться.

IV

В одно лето, когда мне было лет восемь, родители сняли дачу у моря на сезон. В дикой глуши. Пляж был весь наш. Море было холодное, без волн, очень мелкое на километр вперед. Оно выбрасывало на берег полно водорослей, которые сохли и воняли. К вони я привык на второй день, а из водорослей можно было строить мягкие диваны, матрасы и даже небольшие шалаши. Меня отпускали гулять на весь день на пляж – утонуть там было невозможно и никаких опасностей не предвиделось. Детей поблизости не было, так что играть было не с кем, а гулять по пляжу мне вскоре наскучило. От скуки я стал сам себе рассказывать какие-то полускладные небылицы. Просто ходил и бубнил себе под нос. Не волнуясь о логике или смысле рассказов. Это моё занятие обнаружила мама. Она заинтересовалась и посоветовала записать что-нибудь из моих истории или хотя-бы рассказать что-нибудь ей с отцом. Так как я был тупым ребенком с задержкой в развитии, то родители так пытались найти во мне что-то гениальное "Эйнштейн не говорил до шести лет", что любое моё проявление поощрялось и надеялось быть развитым. Тем не менее идея поделиться моими историями с родителями была настолько несуразной, что взбесила меня до последней степени. Я наорал на родителей и убежал надолго на пляж. Таблеточки, таблеточки... (ищет по карманам таблетки, находит контейнер, высыпает две таблетки на руку, глотает не запивая. Морщится.) Слева, на краю пляжа стояла совершенно отдельная скала. Она напоминала зарытого в песок поросёнка. Причем поросёнок был зарыт попой вверх. Наверху, как хвостик росло какое-то дерево. Оно и придавало скале сходство с поросёнок задом, так как было закручено штопором. Эта скала была моим барьером. За него заходить было запрещено. Но,

примерно через неделю, обойдя и изучив всё и вся на пляже, я конечно же сам не заметил как заглянул за скалу.

Стюардесса провезла тележку. Больно ударила по колену. Корова. Надо перестать вешать в аэропортах старые авиационные фотографии со стюардессами-моделями. Наводит на грустные сравнения когда садишься в самолет. Впрочем встречаются красавцы геи стюарты. Они и самые приветливые как правило. Не обиженные жизнью. Всегда хотел попробовать мужчину. Визуально могу себя представить с мужчиной. Это даже может возбуждать иногда. Но до дела никогда не дошло. Они же всё еще мужики. Запах, волосы на груди... Я спросил одного из моих геев друзей как он смотрит на женщин. Знаете что он ответил? "Дом, они для меня выглядят как уродливые мужики." Подмышки воняют. Почему теперь подмышки бреют только женщины и геи?

Достаточно микроскопической дырки в любом месте обшивки чтобы произошла разгерметизация самолёта. Дырочка мгновенно вырастает до огромного разрыва. И тебя высасывает наружу чпок... До места назначения 4 часа 3 минуты.

V

Я достал телефон. Подключился к сети. Открыл портал. Напечатал вопрос. Получил ответ: *Песчаные зерна скрипели под моими босыми подошвами, когда за скалой на песке я наткнулся на бездомного. Взгляды наши встретились, и в моменте молчаливой сопричастности я осознал разрыв между моей беспечной детской жизнью и бездомной реальностью этого человека. В растрепанных волосах незнакомца замелькали капли морской воды, а мимолетные слова обрывков разговоров стали мостом между двумя мирами. На песке, омытые волнами жизни, мы обменялись молчаливым пониманием, словно в соленой брize звучала таинственная мелодия судеб.* (Пауза) Да... Сильно... Солёной брize. Я пока-что пишу поприличней. Но это не надолго. И потом можно подправить вопрос пару раз и получится сносно. Скоро этот искусственный интеллект заменит на хрен большинство из нас. Уж точно 99% голливудского хлама он напишет за две минуты и бесплатно. Публика уже давно готова к поглощению дерьма – не первый день замужем. Ладно, про бездомного надо писать самому. Процесс тут важнее результата. А уж потом, не важно кто это прочтет? Ай... (поводит занемевшим плечом)

Я хотел поменять позу но соседка заняла поручень моего кресла. Сука уродливая. Почему в самолёте один поручень на два кресла? Это подразумевает некий договор между соседями, чужими людьми. Почему я должен с этой сукой договариваться? Поручень мой или твой? Оба претендуют или оба уступают. Разлеглась, гадина. И воняет дешевой дрянью. Или можно разделить так – перед поручня мой, зад твой. Но все эти правила нужно молча установить и следовать им во время всего полёта. Даже во сне.

(откашливается) Внезапно соседка тихо посапывая повернулась и освободила поручень. Ах как вовремя. Умница. Весьма приятная дама. И не старая ещё. И парфюм у неё дорогой и не навязчивый. Привлекательный запах.

(Доминик громко пукает)

Блядь... Как бы не заснуть? А собственно почему не подремать пять минут?

Мне рассказывали об одном фильме под названием Сон. Там человек ложится и спит восемь часов. Это снято на пленку. Зрители, те кто не уснули и не ушли за первый час, смотрят как он спит все восемь часов. Они живут с этим человеком в настоящем времени. Без купюр. В книгах мы описываем нужные, важные, изменяющие жизнь моменты и пропускаем неважные, ненужные. Потому что кому сдались остальные моменты – они как дыры в повествовании. Дыры, пустоты... Сейчас я расскажу вам историю неважных событий моей жизни. (Долгая пауза) Понравилось, интересно? А ведь это 99% процентов того что можно рассказать.

Нас инструктировали как себя вести при посадке на воду. Как часто самолёты садятся на воду? Никогда. Влетают штопором в океан и разлетаются на щепки. До места назначения 3 часа 27 минут.

VI

Бездомный был не просто отвратительный, вонючий, больной, сумасшедший, агрессивный. Он был ослепительно страшный. Не знаю какая из его черт была так страшна, но это было первое что пришло в мою восьмилетнюю голову. Он был просто страшен а всё остальное прилагалось. Он не был босой, но его кеды были почти без подошв. Остатки подошв были подвязаны веревками. Зассанные джинсы неопределенного цвета висели низко на бедрах,

почти оголяя пах. Никаких трусов. Сверху на нем было несколько слоёв каких-то тряпок – ведь он носил на себе весь свой гардероб. (ковыряет пальцем в ухе. Смотрит что выковырял, нюхает, вытирает палец об брюки) Волосы и борода напоминали пещерного человека из исторического музея. Лицом эту харю назвать было трудно. Возраста и этнического происхождения не было. Пол – мужской. Интересно, что лежал он в двух шагах от воды и мог бы умыться и постирать своё тряпьё. Но видимо ему было так привычней и комфортнее. Его вонь пробивалась даже сквозь морской бриз. Увидев меня он начал издавать хрюкающие звуки и двигаться как осьминог всеми конечностями... Моя вполне благополучная семья растила меня всю жизнь далеко от подобных проявлений человеческих... крайностей. Мне никогда не доводилось видеть ничего такого. Я должен бы был испугаться насмерть и долго носить эту травму, проявившуюся в многолетних ночных кошмарах и ранней импотенции. (Чешет в паху)

Я всегда хотел понять природу страха. Страх может быть только один. Когда ты не знаешь что нужно делать. Страх, паника, истерика... Когда у тебя есть план, пусть идиотский, пусть не подходящий к ситуации. Если у тебя есть план – ты не боишься, а только идешь по своему плану. Всегда нужен план. Всегда. У меня, восьмилетнего, подсознательно возник план. Откуда – черт его знает.

Ха. В поручнях этого самолёта пепельницы. Значит ему бог знает сколько лет. Древнее корыто. Ведро с болтами. Долетит ли? До места назначения 3 часа 12 минут.

VII

Доминик встаёт и уходит по проходу. Некоторое время сцена пуста. Звучит ровный вой турбин. Затем Доминик возвращается со стаканом воды. Пьёт. Немного разминает плечи и шею. Садится в кресло.

Доминик

В аэропорту напротив меня сидели две женщины. Блондинки. Мать и дочь. Как машина времени – тот же человек через тридцать лет. Я сначала обратил внимание на дочь – прямой нос, ухоженные волосы, прекрасно-бессмысленный взгляд. Ничего особенного в лице и фигуре за исключением юного возраста. С некоторых пор мне претит думать о таких девицах как о сексуальном предмете. Чувствую себя педофилом – как будто к

своей дочери пристаю. А вот мама – это значительно интереснее. Биография в глазах и в неплохо сохранившейся фигуре. И всё ещё вполне... Вот это мой возраст и размер. Интересно, что присутствие дочери как бы омолаживает маму. Насмотрелся, герой эротического фронта? Сиди и перди теперь.

У бездомного была собака – Фокси. Рыжая, похожая на лисичку дворняжка, выглядящая значительно чище и опрятнее хозяина. Она бы не обратила на меня внимания если бы хозяин не зашевелился. Она проявила интерес как бы опосредованно. Как бы говоря хозяину: "Если тебе интересно, то и мне интересно." (Пауза. Как-будто напоминает.) Возвращаясь к моему плану. Я понял, не знаю как, что у этого человека нужно что-то попросить. Я бесстрашно подошел к нему и протянул ему гладко обточенную морем палку принесенную волнами, которую нашел на пляже и таскал с собой.

Ехидно хихикает.

Недавно был на творческом вечере. Причем туда пригласили меня и еще одного поэта-переводчика. Я читал кое что из своего – короткие рассказы про деревню и чертей, а он перевод с древнегреческого про персидские войны. После читки – приём. Пузырьки в голову, маленькие закуски с воткнутыми зубочистками, литературные дамы пока без зубочисток. У меня с переводчиком произошел обычный в таких ситуациях обмен. Я: "Как много народу сейчас переводит с древнегреческого?" (в смысле – много вас таких фриков?) Он: "Человек десять наберется. Узкая область. Больше и не нужно." (в смысле – вам быдлу куда в наши гипербореи). Я: "Это ведь всё пьесы. А кто-нибудь заинтересован в постановках?" (в смысле – кому это сейчас на хер нужно?) Он: "Да, я никому не предлагаю. Для меня это – только литература. Ваши произведения значительно более подходят для постановок и вообще более динамичны, современны." (в смысле – я такой скромный, прячусь. Меня еще найти нужно. А вот твоё говно на потребу всем подойдет.) Я: "Эсхила через две с половиной тысячи лет переводят. Ваши переводы тоже в аналы, в аналы..." (в смысле – Через две тысячи может и стодятся кому. А сейчас – только в анал.) Он: "Было очень приятно почитать вместе." (в смысле – Я с таким мурлом рядом срать не сяду) Я: "Для меня это – честь" (в смысле – Сам-Мурло). Красивое слово – честолюбие. Искусственный интеллект не честолюбив. Ему всё равно, что о нём думают и кто его читает. Но с другой стороны ему всё равно – писать или нет. Ноль

мотивации. Он вообще врядли понимает зачем эта писанина нужна. А наша перепалка с переводчиком – это как старый столяр Антонио дерется со столяром Джемметто в Пиноккио. Читаешь и думаешь – теперь и профессии такой почти нет – столяр. Эх, астрономия с астрольбией, астероид Б-612...

Доминик начинает смеяться от неожиданно пришедшей мысли.

Ну ладно. Искусственный интеллект – писатель, понимаю. А вот искусственный интеллект – критик. Ха-ха-ха-ха. Вот это полный конец. “Вчера, в Нью-Йорк таймс вышел критический разбор нового детективного романа известного автора ХТС-1187. Автор был так сказать “положен на лопатки”. Статья разгромная и написанная с тончайшим, можно сказать иезуитским юмором. Автор статьи – штатный колумнист Нью-Йорк таймс ББР-9872. Сегодня утром стало известно о самоубийстве романиста ХТС-1187. Его Айпи адрес более не доступен. Редакция приносит свои соболезнования почитателям таланта ХТС-1187. Гражданская панихида в Субботу в 2 часа. Зум для панихиды прилагается.”

Самое интересное время наверное между пониманием что всё, падаем и непосредственным концом. А ведь это могут быть целые МИНУТЫ! До места назначения осталось ровно 3 часа.

VIII

(Пыхтит, пытаюсь отдышаться.) Один из снов того времени – меня восьмилетнего: Я на кухне, дома. В нашей огромной затрапезной квартире. Меня догоняет кто-то из длинного коридора. Я не вижу кто догоняет, но кто-то невероятно ужасный. Кухня – это тупик. Дальше бежать некуда. Я с ужасом оглядываюсь на вход, на темный поворот коридора и ожидаю его появления. В это время просыпаюсь.

Девочка с мамой в аэропорту. Еще одна причина не смотреть на девочку. Я теперь думаю глядя на совсем молодых людей что они несут в себе серьёзную опасность. Пожалуй всё началось с борьбы за равноправие полов. Потом – за перемену полов. Потом – за равноправие рас. Затем – за поддержку людоедов в разнообразных войнах. В самой борьбе молодых ничего необычного, но степень экстремизма пугает. Молодые люди по всей земле сошли с ума и копают себе и нам всем могилу. Они не успели прочитать книжки по истории и хотят опять изнасиловать весь мир. Гормоны всех стран соединяйтесь. Вначале думалось,

что это какой-то заговор, что кто-то наживается на разрушении всего. Ведь к молодым тут же пристроился всякий бессовестный человеческий шлак постарше. Но это не важно, эта волна кажется просто стихийным бедствием – как цунами. Никто не виноват и ничего с этим не поделаешь. (издаёт пукающий звук ртом) Пора пришла, она влюбилась. И кажется эта мартышка с гранатой только разбирается, что с ней делать. Самое интересное нас ждет впереди.

Я помню что в юности становился всё умней и умней. Я ловил себя на этой мысли примерно каждые полгода. Вот полгода назад был дурак, а теперь умный. А потом это кончилось. С тех пор я всё время “умный”. Вообще наше поколение – полный треш и наш опыт ничего не стоит, так что мы немного можем предложить взамен бушующей молодой природе. Тем не менее до жопы страшно попасть под колесо этого самозабвенного революционного счастья. Вспоминая близких и знакомых, не доживших до сегодняшнего дня, всё чаще думаю что им повезло не дожить.

(Пукает) Пора на колоноскопию. В моём возрасте я должен был её сделать уже раз пять. Вернусь и назначу. Почему до сих пор тянул? Боялся узнать если там что-то серьёзно не так. Да и сейчас боюсь. Пока что о смерти не думаю всерьёз. Ну и хорошо. Это план. Пусть она придет сюрпризом. Сюрпризом..

Кажется какой-то новый звук появился. Или уже был? Только я его слышу? Или команда тоже заметила и судорожно пытается что-то там устранить в моторе? А нам не показывают вида. До места назначения осталось еще целых длинных, бесконечных 2 часа 26 минут.

IX

К вопросу о планах – где-то недавно прочёл, что будущее можно заказывать как вещи на Амазоне. Просто подумать – эх хорошо бы чтоб было так. Подумать и забыть об этом. Не париться, не ждать слишком сильно и оно скорей всего сбудется. Заказать и забыть. Впрочем, таким образом можно случайно заказать черт-те знает что. Осторожно надо..

Бездомный на пляже жил в своём мире не слишком похожим на наш. Он кажется чинил какой-то самолёт или машину там у себя. Меня это мало волновало. Я вдруг понял что вселенная его сознания вполне может совпадать со вселенной моих историй, которые я

наговаривал сам себе целыми днями. (втягивает носом соплю) То, чего родители не могли добиться от меня никакими силами я подарил этому монстру по собственной инициативе. Я стал ему рассказывать что я живу на другой планете которая зовется Астероид В-612 и перемещаюсь в космосе свободно. Также, я рассказывал ему о своих путешествиях и о незнакомцах встреченных мной на других планетах. Сперва мне казалось что он меня совсем не слышит, но однажды он остановил мой поток болтовни неожиданным шепелявым беззубым вопросом: "А шлоны на твоей планете ешт?" Я ничего лучше не нашел ответить как только: "Моя планета такая маленькая, что если бы на ней водились слоны, их пришлось бы поставить друг на друга..."

Она сказала: "Моя подружка работает в скорой помощи. Однажды подружка отдала торт который купила домой, одному наркоману, который для кайфа колол себе инсулин и болтался на грани сознания и бреда. Когда наркомана забрали в скорую, он был почти без сознания, но сожрав её торт пришел в себя и доехал до больницы в полном порядке." Я смотрел на неё и думал о том что кончилось спиртное и кому-то нужно куда-то за ним бежать, а то пьянке – конец. А если пьянке конец, то надо подумать, где ещё сегодня гуляют. Потом она вдруг провела рукой по моим кудрявым тогда еще волосам (достаёт из кармана на половину беззубую расческу и пытается расчесать свои жидкие остатки на голове) погладила меня по голове и я увидел её гладко выбритую подмышку и в разрезе комбинезона под майкой начало её груди. А потом заметил что уголки её губ слегка припухли и пальцы ног в босоножках удивительно длинные. Мы ушли с этой вечеринки вместе и провели вместе больше года после этого. Я никогда более не слышал про подружку из скорой помощи и даже не уверен существовала ли она на самом деле. Но, помню что этот рассказ меня очень тогда заинтересовал. Я хотел узнать как можно больше подробностей о медицинской подружке и всяких других людях из её жизни. После вечеринки мы шли на рассвете по рельсам железной дороги и я слушал её рассказы и удивлялся насколько важны они стали мне теперь. А ведь еще час назад на этой пьянке она была одной из дюжины симпатичных молодых цветочков. Она просто погладила меня по волосам и мгновенно взвинтила для меня важность торта в скорой помощи несуществующей подружки. На кой хрен мне этот торт через тридцать лет, вместо скажем писем Плиния-младшего?

Мой новый знакомый не всегда бывал на пляже. Иногда я находил там лишь кое-что из его тряпья. Он видимо уходил найти что-то

поест, но в основном что-то выпить. Он конечно был конченным алкашом. И его бред был более или менее связан со степенью его упитости. Его лисоподобная собака постепенно начала меня узнавать и даже вилять хвостом и всем своим задом когда я приходил.

(откашливается) Свою семейную жизнь я полностью проиграл. Никакие примеры моей крепкой родительской семьи не помогли. Всегда торопился жениться – застолбить территорию. Хотя с одной из моих жен мы так и не расписались. Я не хотел расписываться. Не потому что не любил, а потому что хотел обмануть фортуна. Прежние мои, зарегистрированные браки разваливались, надеялся что этот выживет? Не помогло. Всегда одна и та же история – мне не хватало секса от женщин с которыми я жил. Я не половой гигант. Просто мне нужно было их внимание, инициатива. Я хотел чтоб меня хотели. Одна из моих любовниц на мои претензии как-то ответила: "Да ты сам меня не хочешь. У тебя самого не стоит и ты требуешь чтоб я тебя возбуждала." Страх, что не встанет. Страх, что она меня разлюбит. Страх, что если понадобится я не смогу её защитить. Страх, страх, страх... Отсутствие плана.

У меня был близкий друг. Однажды он решил что станет бандитом, рэкетиром. Ему очень нужна была жертва – видимо чтобы доказать себе насколько он крут. Он выбрал меня жертвой – вспомнил какие-то разборки и вдруг выставил мне огромную сумму, которую я ему якобы должен. Привел своих друзей-бандитов для разговора. Мне поставили ультиматум и счетчик. Что я сделал? Что, что? Одолжил где-то денег и расплатился. Часто думаю что будет если встречу его сейчас. Ничего лучше мордобоя в голову не приходит. Никакого другого плана.

Я никогда так и не узнал имя алкаша. Меня вообще не интересовало его имя. Ведь когда мы общались, никого вокруг не было. Так что я его называл "ты", и он меня – "ты". Знать имя человека вообще не обязательно если никому про него не рассказываешь. Собаку мы оба уважительно звали Фокси. Эта рыжая собака с белым брюшком и ничего не выражающей мордой удивительно какала. Она прижималась попой к скале и вдавливала свой кал в камень.

Иногда галлюцинации моего алкаша были выражены более активно. Тогда он тяжело работал над починкой своего воображаемого агрегата и не хотел чтобы я мешал ему. В другие дни он был слаб и почти не двигался. Мне казалось что в эти дни он был

больше на земле, а не в своих мечтах. Я приходил к нему и по-хозяйски заставлял себя слушать. Я никогда не приносил ему ничего и он ничего никогда не просил. Он кажется поверил в то, что я один из персонажей его второй, сумасшедшей жизни. Постепенно я узнал кое-что о нём - человеке из его второй реальности - механике, который чинил свой самолёт. Он был военным лётчиком и потерпел крушение в пустыне. У него почти не было воды и починить самолёт ему нужно было как можно быстрее, пока не кончилась вода в его воображаемой канистре. Когда он в моменты слабости выплывал из своих фантазий, ему казалось что он в бреду сейчас, и всё вокруг - мираж, галлюцинация. Со мной он общался только в мире своих иллюзий. В реальном мире он меня не видел и игнорировал. Вообще, у него всё встало с ног на голову и я его в этом поддерживал, так как мои истории тоже были похожи на галлюцинации.

Теоретически попав под воду можно выплыть. Но если мы летим над северным полюсом тогда - Титаник. Сколько там до прилета? До хера еще.

X

Люблю переводить свои книги на другие языки. Переводчик - самый твой внимательный читатель. Ему важно каждое слово, каждое предложение и мысль в целом. И главное - его интересует я, а не он сам. Критики, те составляют за наш счет. Чем больше скандала - тем лучше. Публика же в основном решает свои собственные вопросы с помощью моих книг: "Ах, я узнал свою первую любовь в вашем рассказе." Да пошел ты на хер со своей любовью. Дрочи на её фотографии в фейсбуке, а не на мои тексты.

Эта мама в аэропорту - моя потенциальная любовница. Она же и моя потенциальная читательница. Вот где вся эротика, блин. Ну да, девушка с разными грудями, хотя и уговаривала меня бросить литературу, но уже позже, когда думала о семейной жизни. А попала она ко мне в постель за мой короткий рассказ о невидимых нитях паутины влечений, связывающих жителей города. В моём рассказе люди спят в своих квартирах, в своих семьях, но в снах своих желаний они находятся в других домах, с другими людьми. И кстати девушка с историей про торт тоже погладила меня по волосам после моего рассказа про самоубийцу, который инсценировал свою собственную смерть. Да я и писал многие годы в основном для них, для этих женщин, которые мокли

от моих рассказов. Я всегда писал чтоб привлечь женщин. И всегда писал о женщинах, которых привлекал. Что раньше курица или яйцо? Яйцо конечно. Дочке совершенно не интересен ни я ни вся моя библиотека.

Я рассказывал своему алкашу историю за историей. Про какого-то короля без подданных, финансиста скупавшего всё что плохо лежит, фонарщика, еще каких-то людишек. Мои истории приходили на ходу и также мгновенно улетучивались. Некоторые были из серии - что вижу то пою. Например, дерево на вершине свино-скалы стало героем моей истории про баобабы которые сожрали планету своими корнями. Какие-то сопливые истории про капризные домашние растения... Прелесть рассказов была в их никчемности, мимолётности, безответственности и полным отрывом от какой-либо реальности или места. Однажды я рассказал алкашу историю про алкаша. Мой алкаш в истории пил из-за стыда и стыдился своего пьянства. В сказках Тысяча и Одной Ночи, Шахерезада рассказывает султану сказку про Шахерезаду, и этим закольцовывает свой рассказ. Так же и я с историей про алкаша рассказанной алкашу. Гениально, но не моё. Украл, как всегда. Борхес уже писал об этом трюке Шахерезады. У Шахерезады красивые широкие бедра и очень нежная, почти прозрачная кожа. Мы с ней ищем места чтоб уединиться для любви. Борхес умудряется есть макароны из шляпы сидя на слоновой заднице. Самолёт шелестит еловой хвоей прямо под носом у огромной почему-то синей пчелы. Маленькая планета всё приближается к иллюминатору... Ах, проснулся на краю сна. Иногда приятно когда сон перемешивается с явью. (с отвращением глотает слюну) Во рту помойка.

Одна из моих любовниц рассказывала как трахалась с кем-то ещё в туалете в самолёте. Пожалуй вполне возможно пока все спят. Как сейчас. Но она была очень высокая. Если её партнёр был хотя бы её роста поместиться в туалете было бы не просто. Хотя раком... Может врал. Чтоб меня завести. Ну конечно, весь мир только тем и занят чтоб меня драгоценного заводить.

А еще можно сравнить книгу о жизни человека с самой жизнью этого человека как пеший поход из точки А в точку Б по сравнению с полётом на самолёте на ту же дистанцию. Человек попадает туда же, но быстрее. Полёт сжат, сконцентрирован, опасен, как синопсис. Мне вся это хрень от перепадов давления в голову лезет? А вот ещё. Все персонажи романа пройдя свои душераздирающие истории, садятся в один самолёт и благополучно

погибают в авиакатастрофе. Это значит автор не смог конец придумать. Но тут есть поворот. Эти душераздирающие истории никто не узнает и не прочтёт, так как автор тоже летит в этом самолёте. Я сейчас укушу сам себя за жопу. До места час с хвостиком.

XI

История с сумасшедшим алкашом закончилась ничем. Он бывал всё слабее и слабее и всё меньше слушал мои рассказы. А писателям, как известно, интересны лишь читатели. Я на последок придумал историю про змею, которая, укусив уведет меня в своё царство мертвых.

Рассказав ему эту историю я было собрался уйти, но заметил что мой алкаш начал опять шарить вокруг себя всеми своими грязными конечностями как осьминог не открывая своих вечно слезящихся глаз. Наконец он нашел то, что искал. Это была бутылка из под пива. Найдя её он приложил её к губам в надежде на последний глоток. Бутылка была пуста и он неожиданно так сильно швырнул её в море что Фокси, взвизгнув отпрыгнула. Бутылка отлетела на несколько метров и повисла на поверхности воды и прибой начал потихоньку возвращать её владельцу. После этого я перестал ходить за скалу, да и лето вскоре закончилось и мы уехали. Вообще, путного рассказа из этого не лепишь. Вообще, реальные истории из своей жизни очень сложно написать и продать. Жизнь читателя наверняка чем-то похожа на твою. Одно слово вранья – и тебя поймали. Пора переходить на детективы и триллеры. Там можно нагородить любой ботвы – никто не проверит, кроме профессионалов. Но их не много. А публика, которая понятия не имеет об убийствах и расследованиях всё сожрёт.

Писатель – трус в квадрате. На обычные человеческие, накладываются страхи профессиональные. Писательский страх выражен в патологической суеверности. Если сел писать нога на ногу то только левая сверху. Выходя из подъезда или возвращаясь в него, обойди дерево только слева, ни в коем случае справа. Старуха, с повязанным платком подбородком живущая по соседству, встреченная на улице – очень плохой знак. Очень. Каждый из этих признаков может остановить работу на дни. Дни пыток и бессонных ночей. Ладони потеют. (нюхает ладони своих рук затем вытирает их об брюки) Я потратил две недели слезки за старухой с платком чтобы выяснить её расписание и никогда с ней не встречаться. Дерево у подъезда

что-то стало чахнуть. А что если его спилят и заасфальтируют квадрат его корней? Если не дай бог, споткнулся в аэропорту, то... Тьфу...

Разглядывает расческу потом смотрит на свою грудь и с омерзением стягивает перхоть с одежды.

Ты трахаешься в туалете в самолёте и вдруг – бах, и вы навеки вместе... Ну вот, уже немного осталось. Скоро посадку объявят.

XII

Внезапно самолет содрогается от сильной качки. Раздается голос капитана в репродукторах: "Уважаемые пассажиры. Мы попали в зону повышенной турбулентности. Пожалуйста займите свои места и пристегните ремни безопасности." Слышны звуки пристегиваемых ремней. Доминик также пристегивает ремень. Еще одно сотрясение и еще одно, особенно сильное. Слышен истерический женский крик. Затем крики пассажиров с разных сторон.

Доминик

Это что такое? Всё что-ли? Вот прямо так? Да-а-а, кажется заказал себе... Сюрприз... Ведь только что об этом... Так, подбиваем бабки. Редактор откастрирует мой текст без возражений. Суки-критики перестанут обсерать, напишут, какой я гений. Читатели бросятся скупать всю мою труху. Даже самое раннее дерьмо, и найдут там спрятанные загадки и намеки.

Еще один сильный толчок. Крики со всех сторон громче. Голос из репродуктора: "Уважаемые пассажиры. Пожалуйста не вставайте со своих мест. Зона турбулентности должна скоро закончиться."

Доминик

А женщины признают что у меня была самая большая елда из всех их мужиков. А молодые революционеры похоронят еще одного белого привилегированного мужчину, а дикари из туннелей еще одного неверного. Похоже им всем да и самому себе я нужен лишь в одном качестве – мертвым. Так вот что должно случиться? Вот зачем я тут, в самолете? Это похоже... похоже... похоже на план... Не страшно. Есть план и не страшно совсем. Знаю что делать. Знаю что нужно делать. Я знаю что мне сейчас нужно делать. Ровным счетом НИЧЕГО. Тогда, за скалой, был единственный случай в моей жизни когда у меня был план и мне не было страшно. И вот сейчас опять.

Вой турбин становится громче. Крики слышны со всех сторон.

Доминик

Так, так. О чём мне полагается сейчас?.. Родители? Друзья? Любимая женщина? Которая? Картинки из детства? (кричит раздражённо) Блядь, ты можешь сосредоточиться? Ни хрена не лезет в голову. А пора бы... Скоро выключат... Тихо-тихо-тихо... Вот. Есть. Какой-то куст в светло-зеленом горшке на окне в моём кабинете. Со светлыми пятнами на листьях. Растет как на дрожжах – очень довольный жизнью куст. И я тупо смотрю на него не отрываясь много минут. Я смотрю на куст так долго и даже не осознаю, что я на него так долго смотрю. Потому что у меня в этот момент закольцовывается история. Её конец становится единственным логичным результатом её начала. Зубчик пазла идеально входит в выемку другого. Это можно не записывать, никому не читать, не печатать – он уже вошёл. Всё встало на место. Все планеты выстроились в нужном порядке. Алкаш починил свой самолёт и нашел колодец в своей пустыне. Я провожаю его в полёт. Рядом со мной сидит Фокси и держит мою руку в своих зубах. Не кусает, а просто держит с удовольствием.

Полное затемнение. Тишина. Короткая пауза. На сцене загорается яркий свет. Звук турбин возвращается. В колонках доносится голос капитана объявляющий что самолёт заходит на посадку и вскоре прибудет в порт назначения. Капитан благодарит пассажиров за пользование авиакомпанией и надеется обслуживать их в будущем.

Финал

Звук прибоя и крики чаек дополняются отдалённым шумом приморского городка. Доминик стоит на песке босиком. Он держит свои туфли в руке. Из туфель свисают носки. Он жмурится от бьющего в лицо солнца и отплевывается от песка занесенного в рот ветром.

Доминик

Я стою на том самом пляже. Его с трудом можно узнать – это теперь городской пляж, больше похожий на помойку. Вдоль него сделан деревянный променад, где прогуливаются люди с собаками, велосипедят велосипедисты, бегают бегуны, играют дети. На пляже полно народу. Каждые пятьдесят метров стоит большой

мусорный бак, полный стаканчиков от мороженого и мешочков с собачьим калом. Над пляжем стоит знойный смрад.

Все персонажи моих историй, рассказанных алкашу так или иначе со временем материализовались в моих друзей и знакомых, а сам я стал писателем, пишущим бессвязные и безответственные истории и всё больше и больше похожим на самого алкаша. Кажется всё закольцевалось опять.

Скалы слева тоже нет. То есть нет в том виде, как я её запомнил. Она раскололась почти посередине. Видимо корни этого баобаба – поросячьего хвоста, сделали своё дело. Отколовшийся кусок лежит на том месте где полвека назад я протянул палку бездомному и не терпящим возражений тоном заявил: "Пожалуйста, нарисуй мне барашка".

Доминик громко пердит.

Затемнение - конец пьесы